

12+
FRIEREN

Виктор Ушаков

**Дневник
Фрирен**

Виктор Ушаков

Дневник Фрирен

«Издательские решения»

Ушаков В.

Дневник Фрирен / В. Ушаков — «Издательские решения»,

«Дневник Фрирен» — история эльфийки, прожившей века и научившейся ценить мгновения. Через воспоминания о друзьях она постигает суть магии: не в заклинаниях, а в связях между людьми. Путь Фрирен — это разговор с прошлым и шаг навстречу будущему, где каждый спутник оставил неизгладимый след в её сердце.

© Ушаков В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. «Тени, что не исчезают»	6
Глава вторая. «Последнее приключение»	8
Глава третья. «То, что не говорят вслух»	10
Глава четвёртая. «Первый поход»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дневник Фрирен

Виктор Ушаков

© Виктор Ушаков, 2026

ISBN 978-5-0071-3354-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. «Тени, что не исчезают»

Сегодня я снова проснулась до рассвета. В этом постоялом дворе тишина особенная — она не похожа на ту, что бывает в лесах или на опустевших дорогах. Здесь тишина пахнет дымом, старым деревом и чужими снами. За стеной кто-то тихо вздыхает во сне, где-то внизу скрипит половица, а в воздухе висит едва уловимый запах травяного чая — кажется, хозяйка заваривала его перед тем, как лечь.

Я села на краю кровати и посмотрела в окно. Небо ещё было тёмно-синим, почти чёрным, но уже чувствовалось, что ночь отступает. Тонкая полоска света на горизонте казалась хрупкой, будто её можно стереть одним неловким движением. Я подумала о Химмеле. Он всегда радовался рассвету так, будто видел его впервые. «Смотри, Фрирен, — говорил он, шурясь от первых лучей, — каждое утро — это маленькое чудо». А я лишь кивала, не понимая, как можно так радоваться тому, что повторяется изо дня в день.

Теперь я понимаю. Или пытаюсь понять.

На столе лежал мой дневник — старая тетрадь в кожаном переплёте, местами потрёпанная, с пятнами от дождя и копоты. Я провела пальцами по обложке, ощущая неровности и шероховатости, словно это были шрамы, оставленные временем. Открыв его, я взяла перо и задумалась. Раньше я записывала только заклинания, ингредиенты для зелий, редкие магические формулы — всё, что казалось важным с точки зрения магии. Теперь я пытаюсь записывать другое: слова, которые запомнились, взгляды, которые не получилось разгадать, тишину, которая вдруг стала громче любого крика.

«Сегодня утром я вспомнила, как Химмель смеялся над собственной неуклюжестью, — написала я, медленно выводя буквы. — Он споткнулся о корень, упал прямо в траву и вместо того, чтобы злиться, рассмеялся и сказал: „Кажется, земля решила напомнить, что я всё-таки человек“. Я тогда не поняла, что в этом было смешного. А теперь мне кажется, что в этом была вся его суть — принимать мир таким, какой он есть, и находить в нём повод для улыбки».

Перо замерло над страницей. Я прислушалась к себе, пытаюсь уловить то самое чувство, которое люди называют «тоской». Для эльфа пятьдесят лет — не срок. Для человека это целая жизнь. И теперь я понимаю, что потеряла не просто друга — я потеряла возможность узнать его лучше, пока у меня ещё было время.

Снаружи послышались шаги. Кто-то шёл по двору, возможно, конюх, который начинал свой день раньше всех. Я встала, подошла к окну и увидела, как первые лучи солнца коснулись крыши соседнего дома, окрасив её в золотистый цвет. Это было красиво. Очень красиво. И в то же время невыносимо хрупко — как всё человеческое.

Ферн ещё спала. Её дыхание было ровным, а лицо — спокойным. В ней столько жизни, столько нетерпения узнать мир, что иногда мне кажется, будто она светится изнутри. Я смотрю на неё и думаю: «Вот она — та самая способность радоваться рассвету, которой мне так не хватало».

Я закрыла дневник и положила его обратно на стол. Потом надела плащ и вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. На лестнице пахло свежим хлебом и утренней прохладой. Хозяйка уже была на кухне — она улыбнулась мне, когда я прошла мимо, и сказала:

— Доброе утро, госпожа волшебница. Хотите чаю? Или, может, кусочек пирога? Вчера испекла с яблоками.

Я на мгновение задумалась. В прошлом я бы отказалась, сославшись на спешку или необходимость изучить новое заклинание. Сегодня я кивнула:

— Да, спасибо. С удовольствием.

Она снова улыбнулась, и в этой улыбке было что-то такое, что заставило меня почувствовать себя чуть менее чужой в этом мире. Пока она наливала чай и отрезала кусок пирога, я

смотрела в окно, где рассвет уже окончательно победил ночь, и думала о том, что, возможно, учиться понимать людей — это не только слушать их слова. Это ещё и делить с ними простые моменты: чашку чая, кусок пирога, тишину перед началом дня.

Когда я вышла во двор, солнце уже стояло высоко, а воздух был наполнен звуками пробуждающегося города: криками петухов, стуком колёс, голосами людей, спешащих по своим делам. Я остановилась на мгновение, вдыхая этот шум и суету, и вдруг почувствовала, что готова идти дальше. Не только ради магии или поиска новых знаний. А ради того, чтобы запомнить как можно больше мгновений, пока они ещё здесь, пока они настоящие.

Я достала дневник из кармана плаща и сделала ещё одну запись:

«Сегодня я пила чай с хозяйкой постоянного двора и ела пирог с яблоками. И это было важно».

Потом я убрала дневник, поправила плащ и пошла вперёд, туда, где дорога уводила меня всё дальше от вчерашнего дня — и всё ближе к чему-то новому, чему-то, что я пока не могу назвать, но что обязательно нужно найти.

Глава вторая. «Последнее приключение»

Тропа вилась между старыми деревьями, будто сама природа не хотела, чтобы кто-то добрался до руин. Листья шелестели над головой, и в этом шелесте мне чудился голос прошлого — будто лес шептал имена тех, кто уже не вернётся. Я шла медленно, прислушиваясь не к звукам, а к тишине между ними. Рядом шагала Ферн, её шаги были лёгкими, почти птичьими, и она то и дело останавливалась, чтобы рассмотреть какой-нибудь цветок или странный камень.

— Фрирен, — прошептала она, наклоняясь к невысокому кусту с фиолетовыми соцветиями, — а правда, что в этих руинах когда-то жил великий маг?

Я чуть улыбнулась — не потому, что история была забавной, а потому, что в её голосе звучало то самое предвкушение чуда, которое когда-то было и у Химмеля.

— Да, — ответила я. — Говорят, он искал способ остановить время. Но, как и многие до него, нашёл лишь способ его запомнить.

Ферн задумалась, будто взвешивала каждое слово, а потом снова пошла вперёд, крепко сжимая посох. В ней уже чувствовалась сила, но ещё больше — терпение. То самое, которого так не хватало мне в молодости.

И тут память накрыла меня волной — не внезапной, а тихой, как туман, который стелется по земле и незаметно обволакивает всё вокруг. Я вспомнила наше последнее большое приключение — то, что стало концом целой эпохи.

Тогда мы шли по этим же землям, только всё было иначе: рядом со мной шагал Химмель, его меч слегка позвякивал при каждом шаге, а сам он то и дело подбадривал остальных парой шуток. Хайтер шёл чуть позади, бормоча что-то себе под нос, а Айзен ворчал на каждый корень, о который спотыкался. Мы были уставшими, но счастливыми — по крайней мере, я теперь понимаю, что это было именно счастье. Просто оно не кричало, а жило в мелочах: в том, как Химмель делился последним куском хлеба, в том, как Хайтер напевал старые песни, чтобы разогнать тьму, в том, как Айзен, несмотря на всю свою суровость, всегда прикрывал нас в бою.

Руины тогда показались нам не просто развалинами — они были загадкой, которую мы должны были разгадать. Легенда гласила, что в сердце руин хранится артефакт, способный исполнить одно желание. Люди верили, что с его помощью можно победить любого врага или исцелить любую болезнь. Мы же шли туда не за чудом, а за ответом — за тем, что поможет нам в финальной битве с Королём Демонов.

Когда мы вошли в зал, воздух там был густым и неподвижным, словно время в этом месте застыло. В центре на каменном пьедестале лежал артефакт — не сверкающий и не грозный, а простой, почти скромный: кристалл, похожий на замёрзшую каплю воды. Химмель подошёл к нему первым, осторожно протянул руку, будто боялся спугнуть что-то хрупкое.

— Знаешь, Фрирен, — сказал он, не оборачиваясь, — я всё думаю... если бы у меня было одно желание, я бы не стал просить силы. Я бы попросил, чтобы мы всегда оставались такими, как сейчас. Чтобы никто не забывал, как мы смеялись у костра и как радовались простым вещам.

Я тогда промолчала. Мне казалось, что такие слова — пустая трата времени. Что есть дела важнее, чем цепляться за мгновения. Теперь я понимаю, насколько ошибалась.

В тот момент из тени выступили стражи руин — древние големы, созданные, чтобы защищать тайну этого места. Бой был тяжёлым, но не из-за силы врагов, а из-за того, что мы не хотели причинять им вреда: в этих каменных фигурах чувствовалась какая-то печальная преданность. Мы сражались осторожно, стараясь не разрушать их окончательно, и это замедляло нас, делало уязвимыми.

Айзен прикрывал нас, принимая на себя удары, Хайтер читал заклинания, которые сковывали движения големов, а Химмель... Химмель нашёл способ договориться. Он не использовал силу, не пытался сломать их волю — он заговорил с ними. Его голос звучал спокойно, почти ласково, и в какой-то момент големы перестали нападать. Они замерли, словно прислушиваясь к чему-то давно забытому.

— Мы не враги, — говорил Химмель, глядя прямо в пустые глазницы каменного стража. — Мы просто хотим понять. И, может быть, помочь.

Это было то, что я не умела тогда: видеть в противнике не преграду, а существо, у которого есть своя история. Химмель умел это делать всегда.

В конце концов големы расступились, позволив нам взять артефакт. Но не как трофей, а как дар — словно сами руины признали, что наши намерения чисты. Мы ушли оттуда не с чувством победы, а с ощущением, что прикоснулись к чему-то большему, чем просто магия.

Сейчас, стоя среди тех же деревьев, я вдруг поняла, что именно тогда всё и закончилось. Не формально, не в какой-то определённый день, а именно в тот момент, когда мы вышли из руин с артефактом в руках. Дальше были финальная битва, победа, возвращение домой... и годы, которые пролетели для меня как мгновение, а для них стали целой жизнью.

— Фрирен? — голос Ферн вернул меня в настоящее. — Ты остановилась. Всё в порядке?

Я кивнула, хотя внутри всё ещё гудело от воспоминаний.

— Всё хорошо, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто... я вспомнила, как мы однажды шли этой дорогой. И как один человек умел превращать даже самый тяжёлый путь в приключение.

Ферн посмотрела на меня внимательно, будто пыталась прочесть между строк, а потом тихо спросила:

— Расскажи мне о нём. О Химмеле. Расскажи что-нибудь такое, что не пишут в легендах.

Я улыбнулась — на этот раз искренне, без тени грусти. Достала свой дневник, открыла чистую страницу и начала писать:

«Сегодня я рассказала Ферн о том, как Химмель разговаривал с каменными стражами. Она слушала так, будто каждое слово было драгоценным. И я вдруг поняла: возможно, именно так и живут воспоминания — не в камне и не в золоте, а в чужих глазах, в чём-то внимании, в желании услышать ещё одну историю о человеке, которого уже нет рядом».

Мы пошли дальше, и шелест листьев уже не казался мне шёпотом прошлого. Теперь это был голос дороги, которая вела нас вперёд — и в то же время бережно хранила следы тех, кто прошёл по ней раньше.

Глава третья. «То, что не говорят вслух»

Сегодня я не стала писать ничего для Ферн. Никаких историй про приключения, никаких легенд и никаких «поучительных» воспоминаний. Эта страница — только для меня. Пусть никто её не прочтёт. Даже если когда-нибудь кто-то откроет этот дневник, пусть увидит лишь заклинания и сухие заметки. А это... это пусть останется между мной и тишиной.

Я всё чаще ловлю себя на том, что боюсь забыть голос Химмеля. Не общий образ, не «доброго героя из сказаний», а именно голос — с его лёгкой хрипотцой после долгих переходов, с этой привычкой чуть тянуть гласные, когда он подбирал слова, чтобы никого не обидеть. Боюсь забыть, как он смеялся, когда спотыкался, как будто сам над собой подшучивал, чтобы другим не было неловко.

Иногда мне кажется, что я собираю воспоминания, как редкие травы для зелий: сушу, раскладываю по строчкам, стараюсь сохранить форму и цвет. Но слова не умеют хранить запах. Они не передают, как пахло у костра в ту ночь, когда мы сидели молча и смотрели на звёзды. Не передают, как трещали ветки под сапогами Айзена, как Хайтер ворчал, что чай слишком крепкий, а потом всё равно допивал до дна.

Люди живут так мало, а я... я живу так долго, что начинаю понимать: время — это не просто мера дней. Это мера того, сколько раз ты успеваешь сказать «подожди», «не уходи», «расскажи ещё». Я не сказала этого ни разу. Я думала, что впереди ещё много дней. Для меня пятьдесят лет — как один рассвет. Для них это целая жизнь.

Ферн сегодня смотрела на меня так, будто ждала, что я скажу что-то важное. Что-то вроде «теперь ты понимаешь, как устроен мир» или «вот чему ты должна научиться». А я не знала, что сказать. Потому что самое важное я поняла слишком поздно: не нужно ждать великих моментов, чтобы ценить людей. Нужно ценить их в те секунды, когда они просто сидят рядом и греют руки у огня.

Мне стыдно. Не за то, что я эльфийка и вижу время иначе. А за то, что тогда, когда у меня было это время, я не замечала, как оно уходит. Я изучала магию, искала редкие свитки, запоминала формулы, которые, возможно, никогда не пригодятся. А не запоминала лица. Не запоминала, как меняется выражение лица Хайтера, когда он шутит, хотя старается казаться серьёзным. Не замечала, сколько раз Айзен поправлял ремень, будто это помогало ему собраться с мыслями.

Когда я думаю об этом, внутри становится тяжело, как будто на грудь положили камень. И я не знаю, как с этим жить дальше. Может быть, именно поэтому я теперь так цепляюсь за мелочи: за запах постоянного двора, за кусок пирога, за улыбку хозяйки. Потому что в этих мелочах есть что-то от них. В этой обычной, человеческой жизни есть эхо тех, кто уже ушёл.

Сегодня вечером Ферн уснула быстро. Она устала, но счастливая — ей нравится дорога, ей нравится узнавать новое. Я села у окна и смотрела, как луна отражается в лужах после дождя. И вдруг поняла, что, может быть, моя задача теперь не в том, чтобы хранить воспоминания, как сокровища в сундуке. А в том, чтобы передавать их. Не как легенды, не как «подвиги героев», а как живые истории, в которых есть запах костра, скрип сапог и тихий смех, который хочется слушать снова и снова.

Я закрыла дневник и убрала его в сумку. Потом подошла к Ферн, поправила одеяло, которое она сбросила во сне, и тихо сказала, хотя она не могла меня услышать:

— Я постараюсь быть лучше. Не только для тебя. Но и для тех, кого уже нет.

И, кажется, в этот момент мне стало чуть легче дышать.

«Сегодня я призналась себе в том, в чём боялась признаться раньше, — записала я на последней строке, почти шёпотом, будто даже чернила могли услышать. — Я скучаю не по приключениям. Я скучаю по ним. По тем, кто делал эти приключения жизнью».

Глава четвёртая. «Первый поход»

Сегодня дорога привела нас к старому перевалу — тому самому, где тропа резко уходит вверх, а воздух становится таким прозрачным, что кажется, будто можно разглядеть края мира. Я остановилась, оперлась на посох и посмотрела вниз, на долину, укутанную вечерним туманом. И вдруг меня накрыло воспоминание — не яркое, не героическое, а тихое, почти будничное. Оно пахло сырой землёй, мокрым камнем и чем-то ещё... тем особенным запахом, который бывает только в самом начале пути, когда всё ещё незнакомо, а каждый шаг — как открытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.